

Высокий, статный красавец-альфа стоял на коленях на стиральной доске, приняв позу, совершенно не вяжущуюся с его обликом, и молил своего омегу о прощении.

Холодный и прекрасный омега с изящными чертами лица и бездонными, как осенние воды, глазами, внимательно — страница за страницей — изучал медицинскую справку, которую держал в руках. Его взгляд был полон волнения.

Цинь Хуайшан сам не понимал, почему вдруг занервничал. Этот документ был доказательством его «чистоты». С самого детства он преклонял колени лишь перед небом, землей, родителями и предками. Но перед своим омегой он стоял на коленях впервые — и, как ни странно, не чувствовал себя униженным.

— Ты... вставай, — пробормотал Ся Минчао. Сначала он оцепенел от вида Цинь Хуайшана, коленопреклоненного на стиральной доске прямо у порога, а затем был окончательно сбит с толку потоком признаний, которые тот извергал одно за другим. Но, дочитав справку, Ся Минчао наконец взял себя в руки.

Его тонкие, изящные пальцы, похожие на светлый нефрит, протянулись к Цинь Хуайшану. Тот, не раздумывая ни секунды, крепко ухватился за его руку и, следуя за этим движением, поднялся на ноги. Его ладонь, куда более крупная и горячая, тут же сомкнулась вокруг руки Ся Минчао, словно заключая её в плен.

— ? — Ся Минчао вопросительно посмотрел на него. — ... — Выражение его лица было трудно описать словами.

Цинь Хуайшан с невинным видом встретился с ним взглядом. Его красивые персиковые глаза сияли. Несмотря на то, что он был на две головы выше, сейчас он напоминал щенка, который виляет хвостом, пытаясь выслужиться. Было в этом что-то до невозможности милое.

В голове Ся Минчао внезапно промелькнул образ Цинь Хуайшана с собачьими ушами и пушистым хвостом. Он поспешно отогнал этот неуместный и странный образ, слегка подтолкнул носком ноги стиральную доску и крепче сжал медицинское заключение.

— И что это... должно значить? — спросил он. Неужели тот действительно послушался его и пошел в больницу? И даже купил стиральную доску...

— Я понял, что влюбился в тебя, — прямо ответил Цинь Хуайшан.

Что он сказал? Ся Минчао посмотрел на него с сомнением. Хоть он и допускал мысль, что Цинь Хуайшан может испытывать к нему симпатию, но после того, как застал его в коридоре бара за поцелуями с другим, все его робкие надежды были безжалостно растоптаны. В последние дни фраза Цинь Хуайшана о том, что он спит только с ним, то и дело всплывала в голове, словно навязчивая мысль. Но сердце отказывалось верить: разве так просто распутнику встать на путь исправления?

Разве может человек, крутящий романы со всеми подряд, по-настоящему влюбиться в кого-то одного? Может, дело лишь в том, что им было хорошо в постели? Или во всем виноваты феромоны?

Омега смотрел на него своими светлыми, как лунный свет, глазами, подернутыми влагой. Его густые, похожие на крылья ворона ресницы слегка дрогнули. Цинь Хуайшан прочел в его взгляде недоверие. Альфа, впервые открывший свое сердце и столкнувшийся с такой реакцией, почувствовал себя подавленным.

— Я правда люблю тебя. Чаочао, милый, не игнорируй меня, пожалуйста. — Цинь Хуайшан прижал его к себе, говоря совершенно серьезно: — Если ты мне не доверяешь и боишься, что я тебя обманываю... то просто ходи везде со мной. Следи за мной, хорошо? — Гордый альфа неуклюже пытался задобрить любимого человека. — Клянусь, отныне я буду смотреть только на тебя! Спать буду только с тобой! Буду держаться подальше от других омег, да и от бет тоже!

— ... — Видимо, ради того, чтобы затащить его в постель, он готов на всё, подумал Ся Минчао. Скорее всего, Цинь Хуайшану просто нравится с ним спать, вот он и не хочет пока портить отношения.

Ся Минчао слегка сжал пальцы на справке. В его глазах промелькнула тень сомнения.

— М-м... — тихо отозвался он, делая вид, что поверил.

Цинь Хуайшан, который ожидал, что на примирение уйдет гораздо больше времени, обрадовался. И правда, его омега совсем не капризный, значит, он тоже что-то чувствует, иначе разве был бы таким покладистым? Его Чаочао с холодным лицом и мягким сердцем — такой послушный, что у него самого дух захватывает.

Бросив взгляд на стиральную доску, Цинь Хуайшан решил, что вещь полезная — вдруг в будущем снова придется просить прощения.

За окном царил непроглядная тьма, а в комнате горел теплый свет. Омега, прижавшись к его груди, уже мирно спал. Его кожа, белая как снег, казалась особенно нежной. Возможно, из-за того, что альфа его утомил, на изящном лице проступил легкий румянец, и холодная отстраненность почти исчезла. Он свернулся калачиком, словно котенок, убравший острые когти.

Цинь Хуайшан с довольной улыбкой поцеловал его в лоб. Его переполняло счастье: решение быть только с ним, возможно, было самым правильным поступком в его жизни. Раньше, после очередной связи, он никогда не чувствовал такой полноты, лишь скуку и пустоту.

Осторожно высвободившись из объятий и убрав прядь волос с лица омеги, Цинь Хуайшан взял пустой стакан с прикроватной тумбочки и спустился вниз: его Чаочао любил выпивать полстакана воды сразу после пробуждения.

Альфа старался ступать бесшумно, но, открывая запертую дверь, все же невольно издал звук. Он тут же обернулся, боясь разбудить омегу, и, убедившись, что тот спит, с облегчением прикрыл дверь.

Куда делась стиральная доска? Цинь Хуайшан нахмурился. Подумав секунду, он понял: сто процентов, её прибрал робот Сяо Си.

Тем временем Ся Минчао открыл глаза. Его взгляд был сложным. Он принял «признание» Цинь Хуайшана как должное, хотя в глубине души не верил в искренность его чувств. Посмотрев на пустую тумбочку, где раньше стоял стакан, он подумал: если не считать привычного легкомыслия, Цинь Хуайшан ведет себя так, будто действительно влюбился. Возможно, он так же обхаживал и других своих партнеров, и те, ослепленные его заботой, верили, что ловелас остепенился...

Робот Сяо Си, только что обновивший систему, наводил порядок в кладовой. Стиральная доска лежала в коробке. В эпоху автоматических стиральных машин такие древние приспособления давно вышли из употребления. Робот подобрал её у спальни хозяев и не понимал, зачем она понадобилась. Неужели его заставят стирать вручную? У него и так полно обязанностей: уборка, готовка, обеспечение безопасности...

Светясь синим светом, Сяо Си своими механическими лапками задвинул коробку в самый дальний угол. У роботов тоже есть права, и стирка — это работа для стиральной машины.

В темной комнате единственным источником света был монитор. Хань Цихуа смотрел запись с коридора бара «Сэньсэ», которую достал с большим трудом. Его лицо было искажено холодной завистью.

На видео Цинь Хуайшан вышел из номера и почти сразу встретил омегу. Он увлеченно целовался с ним, но выражение его лица оставалось равнодушным, даже терпеливым. Однако стоило открыться лифту, как всё изменилось. Увидев того, кто вышел из кабины, Цинь Хуайшан мгновенно преобразился: на лице промелькнула растерянность, а затем он решительно направился к омеге, в его глазах читались тревога и беспокойство.

Хань Цихуа узнал этого омегу — это был тот самый, с которым Цинь Хуайшана свела система брачных соответствий. Раньше он не придавал этому значения, но когда Цинь Хуайшан отчитал его при всех на вечеринке, он понял: тот вовсе не безразличен к своему супругу.

Хань Цихуа пересматривал запись уже в который раз. Звука не было, но по тому, как Цинь Хуайшан властно прижимал омегу к себе, держа за запястье, все было ясно. Хань Цихуа знал Цинь Хуайшана много лет и прекрасно видел разницу между его играми и настоящим чувством. Сейчас его взгляд был прикован только к Ся Минчао, а когда тот ушел, пнув его, Цинь Хуайшан выглядел растерянным и даже смеялся от злости — разве это не влюбленность?

Бокал в руке Хань Цихуа треснул. Гнев было трудно сдерживать. Почему, ну почему он не любит альфа? И ладно бы не любил, но почему такой ветреный человек отдал свое сердце

именно этому омеге? Хань Цихуа яростно завидовал тому, кого любил Цинь Хуайшан. Лицо Хань Цихуа перед монитором выглядело пугающе. Невысказанная любовь постепенно искажала его душу.

Он медленно приблизил лицо к застывшему на экране изображению Цинь Хуайшана и коснулся губами его губ на мониторе. Он не хотел причинять вред его окружению, но каждый раз, когда омега задерживался рядом с Цинь Хуайшаном дольше двух недель, Хань Цихуа начинал нервничать. Он боялся, что Цинь Хуайшан полюбит кого-то, и не мог этого допустить.

Лучше пусть он никого не любит и меняет партнеров каждый день, чем остановит свой взгляд на ком-то одном.

Хань Цихуа усмехнулся, и эта улыбка вызывала лишь ужас. Пока Цинь Хуайшан не осознал свои чувства до конца, нужно действовать: либо заплатить кому-то, чтобы тот исчез, либо нанять профессионального соблазнителя, чтобы «испачкать» омегу. Цинь Хуайшан больше всего ненавидел измены. Стоит ему почувствовать отвращение — и он тут же найдет замену.

<http://bllate.org/book/20274/2023021>